ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

С. А. ТОКАРЕВ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ *

(Проблема периодизации)

1

Одной из очередных и важных задач советских этнографов является серьезное изучение всего огромного наследства, накопленного многовековым развитием этнографических знаний в нашей стране. Я говорю и подчеркиваю — многовековым развитием,— потому что история этнографической науки началась у нас не тогда, когда впервые появилось слово «этнография» и когда были сформулированы принципы этнографических исследований, т. е. не в XIX в., а гораздо раньше. Образованные люди на Руси начали интересоваться народами, их бытом, происхождением — с самого появления у нас письменности и книжной образованности, если только не раньше, и уже первые памятники русской литературы содержат в себе ценные этнографические сведения о народах нашей страны и других стран. С того времени и вплоть до наших дней идет почти непрерывный поток этнографических материалов, а в дальнейшем и этнографических исследований, концепций, теорий, составляющих огромной ценности сокровищницу нашей науки.

Чтобы начертить подробную историю этнографической науки в России — СССР,— недостаточно сил одного исследователя. Нужен большой коллективный труд. Этот труд предпринимается сейчас Институтом этнографии АН СССР, который располагает коллективом крупных специалистов. В задачи этого капитального историографического труда войдет: показать наглядно и на конкретных фактах огромный вклад передовой русской науки в мировой фонд этнографических знаний; показать приоритет русских ученых в постановке и решении ряда принципиальных проблем этнографической науки — науки о человеке и его культуре.

Одним из необходимых условий написания истории русской этнографии — и в сущности первым шагом к ней — должна стать разработка общей схемы периодизации. Ведь правильная периодизация является непременной составной частью понимания любого исторического процесса, в том числе и истории развития любой науки. Периодизация

---

* Доклад, прочитанный на Этнографическом совещании в Москве 24 января 1951 г.

представляет собой не простое деление процесса на хронологические отрезки для удобства изложения. Периодизация есть установление качественно своеобразных этапов исторического процесса, развертывающегося во времени. Без принятия правильной периодизации невозможно познание истории любого явления, в данном случае истории этнографической науки.

2

Составляя часть общего процесса развития научной жизни и всей культуры в нашей стране, история этнографии, как и всякой другой науки, не может рассматриваться в отрыве от всего хода социально-экономического и политического развития России — СССР. В конечном счете история русской этнографии является производной от этого развития. Поэтому и периодизация ее определяется в основном узловыми точками общеисторического процесса.

Однако точного совпадения периодов развития этнографии (как и любой другой отрасли знания) с периодами экономической и политической истории нашей страны нельзя ожидать, ибо в истории идей действуют и свои собственные закономерности. Общее развитие их направлено всегда в сторону роста человеческого знания. Каждый последующий период истории науки, определяясь в основном состоянием общественной жизни в стране в целом, в то же время представляет собой продолжение и развитие тех идей, которые были накоплены в предыдущие периоды. Отсюда происходят и отставания от темпа общественного развития и, наоборот, предвосхищение того, что в общественной жизни лишь только намечается.

Историю развития этнографии в дореволюционной России можно разбить на 8 периодов: 1) XI—XVI вв.; 2) конец XVI—XVII в.; 3) XVIII в.; 4) 1770—1790-е гг.; 5) 1801—1830-е гг.; 6) 1840—1860-е гг.; 7) 1870—1890-е гг.; 8) 1890-е гг. — 1917 г.

3

Первый, древнейший период в истории русской этнографии начинается вместе с началом русской письменности [1]. Концом его можно считать вторую половину XVI в., примерно эпоху Ивана Грозного.

В гражданской истории это был период феодальной раздробленности, которая сменилась в XV—XVI вв. образованием русского национального централизованного государства. Экономическая, политическая и культурная жизнь вращалась в рамках сравнительно узких, она не выходила в основном за пределы однородной этнической среды — русской народности.

В истории этнографических знаний этот период тоже отмечен сравнительно узким горизонтом. В памятниках XI—XV вв. сведения о народах встречаются, но относительно редко, эпизодически, и круг этих народов ограничен сравнительно тесными пределами: это восточноевропейская равнина и лишь частью прилегающие к ней страны.

Так было в то время не только на Руси. Как известно, вся западноевропейская средневековая литература, вплоть до эпохи великих открытий, характеризуется крайне узким кругозором географических и этнографических знаний. Все, что находилось за чертой сравнительно небольшого круга европейских стран, было почти сплошной terra incognita. О внеевропейских землях ходили баснословные рассказы, где народы их

[1] Мы оставляем здесь, конечно, в стороне более ранние известия о народах нашей страны, известия, содержащиеся в древневосточных, античных, раннесредневековых, китайских источниках: эти известия представляют большой интерес, когда дело идет об истории этнографического изучения народов СССР; но к истории русской этнографии они не имеют прямого отношения.

изображались как люди с песьими головами, безголовые, одноногие и пр. Научная мысль в странах Европы была стеснена рамками феодальной замкнутости и подавлена авторитетом христианской церкви.

Все это было вполне понятно и закономерно. Поразительным, однако, надо признать тот факт, что даже в эту темную эпоху раннего средневековья на Руси все же бился пульс научной любознательности, и эта любознательность касалась и фактов этнографии. На сером фоне европейской литературы того времени ярким пятном выделяется, например, «Повесть временных лет» — Киевская начальная летопись. В ней, почти в самом же начале, мы находим прямо поразительный по тому времени, в смысле точности и ясности, этнографический очерк населения Европы. Автор летописи не только перечисляет племена, жившие между Балтийским и Черным морями и Волгой, но классифицирует их по совершенно точному лингвистическому признаку на славянские и неславянские. По отношению к славянским племенам, ближе его интересующим, автор летописи ставит вопрос об их происхождении и решает этот вопрос, хотя и в духе господствовавшего тогда библейского мировоззрения, однако с интереснейшими историческими подробностями, реальность которых лишь теперь доказана советской наукой. Наконец, весь этот этнографический очерк Начальной летописи завершается краткой, но содержательной характеристикой быта и обычаев отдельных восточнославянских племен.

Без преувеличения можно сказать, что вся западноевропейская литература того времени, летописная и иная, не содержит ничего равного этому первому этнографическому очерку нашей страны.

В русских летописях — Киевской, Новгородской и пр.— содержатся и другие, хотя эпизодические и обычно в нарративном тексте, упоминания о народах, с которыми так или иначе соприкасались русские. Интересны такие упоминания также в «Слове о полку Игореве», где они указывают на сравнительно широкий кругозор автора этого замечательного древнерусского памятника.

Сведения о народах более отдаленных стран проникали в русскую литературу того времени только через так называемые «Хожения» — описание путешествий по большей части в «Святую землю» (Палестину). Но они мало дают этнографу. Резкое исключение составляет знаменитое «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина. Ему пришлось попутешествовать в 1466—1472 гг. по странам Востока. Эти страны, особенно Индию, Никитин подробно описал. Очерк быта и культуры народов Индии, куда Никитин попал за 30 лет до Васко де Гама, представляет совершенно исключительную ценность по полноте и точности описания и по почти полному отсутствию фантастики и вымысла.

Но этот памятник стоит одиноко. Вообще же географическо-этнографический кругозор продолжал оставаться у русских людей довольно узким — примерно до середины XVI в. Характерным показателем этой узости является известное «Сказание о человецех незнаемых в Восточной стране» (вторая половина XV в.), где содержатся, правда, некоторые реальные сведения о народах Зауральской части нашей страны — о племенах «самояди» и др., но эти сведения покрыты толстым слоем баснословных вымыслов, из-под которых их не так легко извлечь.

4

Второй период истории русской этнографии охватывает несколько больше столетия — с конца XVI в. до конца XVII в. Это был период превращения русского национального государства в многонациональное. Присоединение Казанского и Астраханского ханств к Руси, смелый поход казаков Ермака за Урал, последующее поразительно быстрое освоение русскими огромных пространств Северной Азии — все это в корот-

кое время, в полтора столетия, раздвинуло границы Российского государства до крайних северо-восточных пределов Азиатского материка. Присоединение Приуралья и Сибири к России столкнуло русский народ лицом к лицу с разноплеменным населением присоединенных областей. Возникли новые политические задачи — управления народами этих областей, удержания их в покорности.

Вот прямая и непосредственная причина того, что в течение данного периода произошел о г р о м н ы й п р и р о с т этнографических знаний о народах нашей страны, в особенности только что названных северных и восточных областей ее. Этнографический материал о них содержится, конечно, не в специальных научных исследованиях, а в многочисленных документах официального характера: это различная служебная переписка местных сибирских властей и служилых людей с центром — бесчисленные отписки, доезды, статейные списки, грамоты, памяти и др., а также челобитные служилых или промышленных людей, либо самих туземцев и делопроизводство по ним. Документы эти хранятся доныне в очень большом количестве в наших архивах, по преимуществу центральных; они до сих пор весьма недостаточно использованы исследователями и еще в меньшей степени опубликованы. А между тем среди этих документов встречаются настоящие сокровища. Таковы, например, сведения о народах Приамурья в донесениях Василия Пояркова, Ярофея Хабарова (1640—1650 гг.), сведения о народах Индигирки, Колымы и Чукотки в сообщениях Стадухина, Дежнева и др. (1640-е гг.), прекрасное описание быта камчадалов и коряков в знаменитых «скасках» Владимира Атласова (около 1700 г.). Едва ли еще не более ценны исковые челобитные, многие тысячи которых сохранились, например, в Якутской приказной избе и которые содержат в себе сведения о хозяйстве и быте якутов, изложенные не посторонними наблюдателями, а ими самими, т. е. показывающие якутское хозяйство и быт как бы изнутри.

Таким образом, присоединение Сибири к России в течение XVII в. повело, так же как это было в Западной Европе в связи с «великими открытиями», падающими на то же время, к резкому расширению этнографического горизонта русских людей. Прежние «сказания о человеках незнаемых» сменились совершенно точными сведениями о расселении народов восточной части страны, их численности, родовых подразделениях, об их быте, обычаях. Эти сведения, правда, были доступны немногим, они хранились в приказах и съезжих избах лишь для ведомственного употребления. Но это был огромный потенциальный источник этнографических знаний о нашей стране.

С середины XVII в. появляются и единичные пока литературные описания областей и народов Российского государства. Они принадлежат перу немногочисленных образованных людей того времени, и в них мы находим ценный этнографический материал. Таковы сочинения «О России в царствовании Алексея Михайловича» подьячего Григория Котошихина (где, правда, нарисована предвзято мрачная картина русских нравов), «Historia de Siberia» Юрия Крижанича, хорвата на русской службе, описание путешествия по Сибири Николая Спафария, русского посла в Китае, его же — описание Китая (все эти сочинения появились в 1660—1670-х гг.).

Завершением периода можно считать ту большую работу по составлению письменных и картографических сводок по Сибири, которая падает на последние годы XVII в. Эта энергичная научная работа проводилась в Сибирском приказе под руководством дьяка Андрея Виниуса, одного из сотрудников Петра, и выполнена главным образом силами служилого человека Семена Ремезова. Ремезов составил «Чертежную книгу Сибири» и лишь во фрагментах до нас дошедшее «Описание народов Сибири». Перед нами уже веяние Петровского времени, признак наступления нового периода.

5

XVIII век до последних двух-трех его десятилетий образует третий период истории русской этнографии. Это — эпоха «дворянской империи» Петра I и его преемников. Царствование Петра составляет начало новой эпохи в истории России в целом — политически, экономически и культурно. Перед страной были поставлены огромные новые задачи — достижение исторически необходимых рубежей, закрепление объединенных земель, проведение ряда реформ. Новые задачи требовали и новых средств. Форсированный рост культуры, обучение молодых дворян, создание Академии Наук — все это стояло в связи с вновь поставленными задачами внешней и внутренней политики. Прямым образом отразились новые условия и на развитии этнографических знаний в нашей стране.

В историю этнографической науки, как и других наук в России, XVIII век вошел как век «великих экспедиций». И в самом деле, ни в какой другой стране ни тогда, ни позже не проводилось таких планомерных и грандиозных по масштабу экспедиционных исследований, со столь разнообразными и серьезными целями, как именно в России в XVIII в. Начало им было положено предсмертным указом Петра I (1725) о поисках пути из Северо-Восточной Азии в Америку. Но еще до начала больших экспедиций, при жизни самого Петра, имели уже место знаменательные и характерные для эпохи явления в области этнографии.

Сюда относится, например, этнографическая монография, едва ли не первая в мире,— «Краткое описание о народе остяцком» Григория Новицкого (1715), где ясно чувствуется дух эпохи петровского просвещения. Сюда относится и кропотливый труд по собиранию архивных материалов по народам Сибири,— труд этот выполнялся по поручению Петра доктором Мессершмидтом (1719—1722).

Знамением эпохи была также научная деятельность В. Н. Татищева. Среди разносторонних интересов этого широко образованного русского ученого было и изучение народов[2]. Татищеву принадлежит составление серьезно продуманной программы собирания географических, исторических и этнографических сведений, которую он в 1734 г. разослал по разным городам; и некоторые ответы на эту программу он действительно получил. Эта татищевская анкета, вероятно, является самой ранней в мировой науке этнографической программой.

Самое крупное научное исследование в России — в основном в Сибири — развернулось в связи с работой Великой Северной экспедиции 1733—1743 гг. Поставленные ей задачи были необычайно многосторонни, и в число их входило изучение народов Сибири, их быта и истории. Ученые участники экспедиции собирали архивные документы (Миллер и др.), записывали предания, делали различные наблюдения над бытом народов. Из этнографических материалов экспедиции представляют особый интерес записи Якова Линденау, Штеллера, а больше всего, конечно, замечательные исследования С. П. Крашенинникова на Камчатке. Его классический труд «Описание земли Камчатки» (1755) по полноте и точности собранного там материала, по глубине и серьезности его понимания автором не имеет себе равных в мировой этнографической литературе не только того времени, но и в более поздней.

Огромный этнографический материал был собран далее большой академической экспедицией 1768—1774 гг. Участники ее — академики и ученые Петр Паллас, Фальк, Зуев, Озерецковский, Георги, Лепехин и др.— объехали и обследовали огромные области страны от Белого моря до Байкала и от Северного Кавказа до устья Оби.

Итак, третий период истории русской этнографии был ознаменован

---

[2] См. Н. Н. Степанов, В. Н. Татищев и русская этнография, «Советская этнография», 1951, № 1.

постановкой широких и чисто научных задач изучения многочисленных народов нашей страны, в особенности ее недавно присоединенных и мало исследованных восточных областей. Великие экспедиции, хотя и служили, конечно, целям экономического освоения и развития страны, однако представляли собой строго научные, планомерно и систематически, под единым руководством проводимые исследования.

Насколько велик был этнографический материал о народах России, накопленный в течение данного (третьего) периода, это нагляднее всего видно из одного факта: в 1776 г. появилось трехтомное (во втором издании четырехтомное) «Описание всех в Российском государстве обитающих народов», составленное участником экспедиции Палласа, натуралистом Георги. Это была первая чисто этнографическая сводная работа о народах России, снабженная, кстати, многочисленными иллюстрациями. Здесь был как бы подведен итог этнографическому изучению нашей страны. При всех ее многочисленных недостатках работа эта по широте охвата осталась и позже в сущности непревзойденной.

Связующим звеном между описываемым и следующим — четвертым периодом развития русской этнографии служит фигура гениального русского ученого М. В. Ломоносова. Хронологически его жизнь и деятельность умещаются в рамках третьего периода (умер в 1765 г.), но своими идеями он опережал свой век, и их нельзя рассматривать в отрыве от тех новых явлений, которые обозначились в четвертом периоде истории русской этнографии.

6

Этот четвертый период охватывает примерно три последних десятилетия XVIII в.— 1770—1790-е гг. Это была вторая половина царствования Екатерины II и следующее за тем короткое царствование Павла. В экономической и политической жизни России эпоха эта ознаменована назреванием кризиса феодально-крепостнической системы. Великая крестьянская война 1773—1775 гг. (восстание Пугачева), последующая дворянско-крепостническая реакция, сказавшаяся во всех областях политической экономической и культурной жизни,— все это были лишь разные проявления этого общего кризиса.

Каким же образом отразились эти новые явления русской жизни на развитии этнографической науки?

Если в предшествующие периоды общей основной задачей, под знаком которой проходило собирание этнографического материала, было освоение, сплочение разнородных в этническом и национальном отношении областей огромного государства в одно целое, основное же ядро этого государства — русский народ — как будто не представляло собой особой проблемы, ибо тут все казалось просто и понятно,— то постепенное нарастание противоречий крепостнического хозяйства, особенно проявившихся в восстании Пугачева,— а ему ведь предшествовали более мелкие крестьянские волнения,— должно было неминуемо привлечь внимание к русскому крестьянству.

Неслучайным было основание в 1765 г. «Вольно-экономического общества», перед которым была официально поставлена основная проблема — изучение вопросов сельского хозяйства и положения крестьянства.

Этот вполне закономерный интерес к русскому народу, к крестьянину, который вдруг заворочался и начал трясти сковывающие его цепи крепостничества, не мог не проявиться и в области нашей науки. Последние десятилетия XVIII в. в истории русской этнографии тем и ознаменованы, что в этот период впервые зарождается, наряду, конечно, с изучением других народов, интерес к русскому народу.

Предшественником и возбудителем этого интереса в области этнографии можно считать того же М. В. Ломоносова. В кругу многогранных

интересов этого великого ученого и культурного деятеля этнографические темы занимали, конечно, очень скромное место. Однако он касался этих тем в целом ряде своих работ. В «Российской грамматике» он впервые обратил внимание на наличие трех диалектов русского языка — «московского», «северного» и «украинского», положив тем самым основу русской диалектологии и изучения этнических подразделений восточных славян. В известном письме к Шувалову о «Размножении и сохранении российского народа» Ломоносов касается целого ряда народных и церковных обычаев и отмечает их вредную роль для народа. В «Древней Российской истории» он — один из первых — ставит вопрос этногенеза русского и других славянских народов. Вообще роль Ломоносова в развитии русской этнографии, еще мало изученная, была, видимо, больше, чем это думают.

Пробуждение интереса к русскому народу, его быту, культуре, творчеству начало сказываться в 1770-х гг. Стали появляться публикации произведений русского фольклора. В 1770 г. вышло «Собрание разных песен» М. Д. Чулкова, где часть содержания составляли народные песни. В 1780 г. тем же автором опубликован сборник сказок, а в 1782 г. «Словарь русских суеверий». Появился интерес и к русской народной музыке. Василий Трутовский в 1776 г. начал издавать «Собрание русских простых песен с нотами», а в 1790 г. вышел сборник Ивана Прача «Собрание русских народных песен с их голосами», где, помимо текста песен и их мелодий, была и вводная статья о музыкальной культуре русского народа. В 1804 г. был опубликован сборник русских сказок Кирши Данилова.

Одновременно появляются первые работы по украинской этнографии. Еще в 1777 г. появилась небольшая книжка Калиновского «Описание свадебных украинских простонародных обрядов». В 1798 г. вышла книжка Якова Марковича «Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях».

Неслучайно зарождается в эти годы интерес к русским и славянским древностям, остаткам старинных верований. Выходят исследования, посвященные «славянской мифологии» [3].

Отметим, кстати, что на этот же период приходится и открытие и публикация величайшего памятника древнерусской литературы — «Слова о полку Игореве» (1795—1800).

Все эти публикации и работы были проникнуты духом сочувствия и интереса к культуре русского народа, к его творчеству, мировоззрению. Но они были аполитичны и лишены четкой общественно-идеологической направленности.

Однако в эти же годы обнаружились истоки и того течения в русской этнографии, которое можно назвать революционно-демократическим. Истоки эти заключаются в творчестве А. Н. Радищева, первого русского революционера. У Радищева нет специальных этнографических работ, но в его произведениях (особенно, конечно, в «Путешествии из Петербурга в Москву») даны такие яркие картины быта русского крепостного крестьянства, которые не могли не оказать глубокого влияния, и тогда и позже, на пробуждение общественного интереса к русскому народу.

7

С первых годов XIX в. открывается новый период в истории России. Первые три десятилетия этого века, годы царствования Александра I и

[3] Попов, Краткое описание славянского баснословия, 1768 (2-е изд. 1772); Григ. Глинка, Древняя религия славян, 1804; Г. Кайсаров, Славянская и [illegible] 1804 (2-е изд. в 1810 г.)

первая половина Николаевской эпохи, представляют собой время, когда постепенно углублялся кризис феодально-крепостнической системы в государстве. Правительство Александра I в первые годы пыталось смягчить или предотвратить этот кризис робкими реформами, но скоро отказалось от них и круто повернуло на путь крепостнической реакции. В то же время расширились задачи внешней политики. Бурные события Отечественной войны 1812 г., патриотический подъем, появление прогрессивных и революционных сил среди передовой части русского дворянства, их борьба против абсолютизма и крепостничества (декабристы), разгром их и новая полоса жестокой николаевской реакции — таково основное содержание эпохи в жизни России в целом.

Как отразились все эти явления на русской этнографической науке? — Пятый период ее истории, охватывающий три первых десятилетия XIX в., представляет собой, несмотря на разнообразие происходивших тогда событий, достаточно определенное единство.

Активизация внешней политики и насильственная стабилизация положения внутри страны — вот две черты эпохи, которые нашли себе довольно точное соответствие в области этнографической науки в ее пятый период.

С одной стороны, начало XIX в.— это время выхода русской этнографии на широкую мировую арену. Русские кругосветные экспедиции 1803—1829 гг. не только познакомили русских людей со странами и народами всех частей света, но они познакомили и мировую науку с исследованиями выдающихся русских моряков и ученых.

Сами по себе эти экспедиции были непосредственно связаны с экспансией внешней политики России. Открытие русскими моряками Северо-Западной Америки и образование там наших владений еще в предшествовавший период вывели русских людей на простор Тихого океана. Плавания русских «промышленников» на Алеутские острова и к берегам Аляски еще в XVIII в. дали науке много ценных этнографических материалов[4]. Для установления регулярной связи с американскими колониями России и стали предприниматься большие кругосветные плавания, которым, однако, суждено было разрешить гораздо более широкие, в том числе и научные задачи.

Экспедиции Крузенштерна и Лисянского («Надежда» и «Нева», 1803—1806), Головнина («Диана», 1807—1809, и «Камчатка», 1817—1819), Коцебу («Рюрик», 1815—1817, «Предприятие», 1823—1826), Беллинсгаузена и Лазарева («Восток» и «Мирный», 1819—1821), Литке («Сенявин», 1826—1829) и другие, менее крупные, принесли русской и мировой науке, помимо важных географических открытий, много ценного материала по быту народов Океании, Южной и Северной Америки, Юго-Восточной Азии и других стран. Народы некоторых областей Океании (например, микронезийцы) этими русскими экспедициями были вообще впервые серьезно изучены. Впервые в науке была установлена языковая и этническая связь островитян Океании с народами Индонезии (малайско-полинезийская семья языков). Словом, научный вклад русских моряков и ученых в океанистику едва ли можно переоценить.

Не менее значителен и тот вклад, который сделан русскими в изучение народов Северо-Западной Америки, особенно тлинкитов, эскимосов, алеутов. Достаточно назвать работы Вениаминова, проведшего в этих краях 15 лет; его «Записки об островах Уналашкинского отдела» (1840) одно из лучших этнографических сочинений в мировой литературе. Можно не упоминать о ряде других, менее крупных исследователей.

На этот же период падает и начало изучения зарубежных славянских народов. До начала XIX в. они были известны русским образованным

[4] Плавания Басова, Андреяна Толстых, Глотова и Пономарева, Черепанова, Коровина, Креницына и Левашева, Шелехова, Сарычева и др.

людям едва ли больше, чем индейские племена Южной Америки. Освободительное движение среди южных славян и наполеоновские войны впервые столкнули русских людей с этими братскими по языку и происхождению народами. Первые путешествия по славянским странам, хотя пока случайные, Бантыша-Каменского (Сербия, 1808), Владимира Броневского (страны Адриатического моря и Австрии, 1805—1810), походы русских войск в страны Центральной Европы — дали русскому обществу впервые некоторое представление о зарубежных славянах. Зарождается и научное славяноведение, пока только на почве сравнительного изучения языков. В 1820 г. Александр Востоков, пионер русской славистики, издает свое «Рассуждение о славянском языке», основоположное сочинение по славяноведению.

При всех этих крупных успехах, огромном росте русской этнографии вширь, в н у т р и страны развитие науки шло более медленными темпами. Это бросается в глаза при сравнении данного периода как с предыдущим, так и последующим. Господствовавшая реакция в политической и культурной жизни России наложила свой отпечаток на этнографические исследования, тормозя их свободное развитие.

Быть может, самым крупным событием для этнографии в данный период было собирание материалов по обычному праву народов Сибири. Запись их обычного права проводилась организованно и в широких масштабах, по распоряжению М. М. Сперанского, тогдашнего генерал-губернатора Сибири (1819—1822). Она имела вполне практическую цель — подготовку материалов к Сибирской областной реформе: собранные и обработанные материалы легли в основу «Устава об управлении инородцев» (1822). Однако очень велико и научное значение собранных сведений по обычному праву отдельных народов (впоследствии эти материалы были частью опубликованы).

В этнографическом изучении русского народа и других народов России шло постепенное размежевание двух направлений — реакционно-романтического и революционно-демократического. Первое выражало взгляды крепостников, стремившихся увековечить крепостнические отношения в деревне. Сторонники этого направления идеализировали старый патриархальный быт, воспевали исконную православую допетровскую Русь. Типичным выразителем подобных взглядов был И. П. Сахаров, чьи объемистые «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» начали выходить в 1836 г., а за ними последовали и другие обширные издания. Сахаров, хороший знаток древней русской литературы, сделал немало для ее изучения и популяризации, но в записи произведений народного творчества он показал себя поверхностным дилетантом, даже фальсификатором. Однако в те годы Сахаров с его квасным патриотизмом и открыто реакционными взглядами признавался большим авторитетом в области этнографии, и это свидетельствует о невысоком идейном уровне науки в то время. Взгляды других деятелей того же направления — к ним можно причислить Снегирева, Даля и т. п.— отличались туманно-романтической запутанностью, частью и прямой реакционностью; но нельзя отрицать научных заслуг некоторых из них, особенно таких, как Даль, впоследствии видный собиратель русских пословиц и автор «Толкового словаря живого великорусского языка».

Противоположное направление, прогрессивное, которое отчасти можно назвать и революционным, было представлено прежде всего декабристами и авторами, близкими к их среде. Это направление сочетало интерес к народу, его быту и творчеству с критическим отношением к его отсталости, застойности и прежде всего к крепостному праву, основному корню зла.

Это направление до сих пор, к сожалению, не изучено. По отдельным отрывочным фактам мы знаем, что многие декабристы интересо-

вались русским народным творчеством, записывали его тексты. Уже после разгрома движения, находясь в ссылке в Сибири, некоторые из них с интересом наблюдали жизнь местного населения (братья Бестужевы в Прибайкалье, Бестужев-Марлинский в Якутии, Завалишин в Восточной Сибири и др.).

Тем не менее резкого размежевания между обоими основными направлениями в описываемый период еще не произошло. Еще не были сформулированы основные принципы этнографической науки, неясны были ее задачи. Материал собирался по-кустарному, любительски, и считалось, что он сам по себе представляет цену, независимо от того, кто и зачем его собирал. Вероятно, именно этим можно обьяснить то, казалось бы, странное обстоятельство, что Белинский, корифей русской революционной мысли, весьма положительно оценивал фольклорно-собирательскую деятельность реакционера Сахарова.

8.

Заметный, почти резкий поворот в развитии этнографической науки наступает с начала 1840-х гг. Он знаменует собой начало нового, шестого периода, охватывающего 1840—50—60-е годы.

В политической жизни России это было время быстрого роста буржуазных отношений, обострения и углубления кризиса феодально-крепостнической системы; это было время революционного движения 1840-х гг. и отзвука революционных событий в зарубежной Европе 1848—1849 гг., реакции последних лет николаевского царствования, поражения в Крымской войне, нового общественного подъема, революционного народничества, подготовки и проведения крестьянской реформы и других реформ 60-х годов.

Общее оживление темпа исторического развития, ускорение пульса общественной жизни не могли не сказаться и на этнографической науке. В ее истории шестой период является одним из важнейших.

Наступление нового этапа в развитии этнографии было подготовлено и непосредственно обусловлено теми общественными настроениями и идеями, которые носились в русском воздухе в 1830-х и особенно в 1840-х гг. Эти настроения и идеи вращались в основном вокруг понятия н а р о д н о с т и. Под знаком его развивались и художественная литература и критика, о нем говорила и публицистика. По существу дело шло о потребности образованного русского общества понять многомиллионный русский народ, точнее крестьянство, то крестьянство, которое явным образом не могло дольше оставаться под крепостным гнетом, но дальнейшие пути развития которого оставались неясными. Этот основной вопрос, вопрос о крестьянстве и лежал в основе спора между славянофилами и западниками. Он же лежал и в основе более глубокого спора между всем либеральным помещичье-буржуазным лагерем и молодой революционно-демократической разночинной интеллигенцией.

Не только публицистическая журнальная полемика, но и классическая художественная литература содействовали оживлению интереса к изучению народа. Влияние ее сказывалось, конечно, и раньше. Стихи Жуковского, басни Крылова, песни Кольцова, а особенно великие произведения Пушкина и Гоголя еще до начала 40-х гг. привлекли внимание читающего общества к русскому народу. Но особенно сильным делается это влияние классической литературы — писателей «натуральной школы» — с начала 1840-х гг. К этому времени относится необычайная посмертная популярность Пушкина (окончание полного собрания его сочинений в 1841 г.), важнейшие произведения Гоголя, полная победа «натуральной школы» над прежней «риторической», идейное господство прогрессивных журналов — «Отечественных записок» (с 1839 г.) и «Современника» (реорганизован в 1847 г.), переход Белинского на позиции

революционного демократизма (1840—1841) и огромное влияние его статей на передовое русское общество.

В самой этнографической науке наступление нового этапа наиболее ярким образом проявилось в очень важном событии — основании Русского географического общества (1845) с его Отделением этнографии. Это общество, собравшее в себе и вокруг себя научные общественные силы, развернуло энергичную деятельность. Разосланные руководителями Отделения этнографии повсюду «циркуляры» — программы этнографических обследований и обращения с просьбой присылать этнографический материал — не оставались без самого широкого отклика. За несколько лет руководство Отделения получило свыше двух тысяч различных рукописей, по большей части этнографических описаний отдельных местностей. Это само по себе свидетельствовало о назревшем интересе к этнографическому изучению народа и о наличии значительных общественных сил в стране, понимающих важность такого изучения.

Разбор и редактирование массы полученного материала, публикация его («Этнографические сборники», 1853—1864), экспедиционная деятельность с участием РГО (поездки членов Общества в Прибалтику в 1846 г., на Северный Урал в 1847 г., «Литературная экспедиция» середины 1850-х гг. и др.) — все это означало заметное ускорение темпа и повышение уровня этнографических исследований под руководством РГО.

В самом руководстве Отделения этнографии РГО с самого же начала завязалась борьба между консервативным «немецким» направлением, возглавлявшимся акад. Бэром, и прогрессивным направлением, представленным группой молодых русских деятелей — Надеждиным, Кавелиным и др. Победило последнее (с 1848 г. Надеждин — председатель Отделения этнографии), и сразу же изучение русского народа заняло главное место в кругу интересов Отделения этнографии. Основная общественная причина этого интереса была указана выше. Он отразился и в обширной программе изучения русского народа, составленной Надеждиным, и в серьезном внимании к русскому народному творчеству (сборник русских сказок Афанасьева по материалам архива РГО и пр.), и в широком изучении обычного права (деятельность Калачова, с 1860 г. председателя Отделения этнографии, его программа собирания материалов по юридическим обычаям 1864 г.). Нетрудно понять особый интерес именно к обычному праву русского народа, проявившийся в годы подготовки и проведения крестьянской реформы.

Не один русский народ, конечно, привлекал к себе внимание этнографов. На те же примерно годы падают значительные экспедиции по преимуществу по северным и восточным окраинам государства, принесшие большой этнографический материал: путешествия Кастрена, Миддендорфа, Л. Шренка, Маака, а также поездки в Среднюю Азию Ханыкова, в юго-западный край Чубинского и пр.

С начала 40-х гг. становится на прочные ноги и русское славяноведение. Учреждение славянских кафедр при четырех университетах, деятельность «первого поколения» русских славистов (Бодянский, Срезневский, Григорович), их поездки по зарубежным славянским странам — все это осталось не без влияния и на изучение живых славянских народов.

Но не одним количественным ростом собирания этнографического материала ознаменован описываемый период развития русской этнографии. Еще важнее то, что именно в этот период были впервые в истории не только русской, но и мировой этнографии ясно сформулированы задачи и принципы этнографии как науки. Последнее означает, что именно в это время, и именно в России, этнография как особая область знания становится на собственные ноги.

Первые такие принципиального характера формулировки зазвучали в докладах руководящих деятелей РГО на первых же его заседаниях: доклад К. М. Бэра «Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности» (1846), Н. И. Надеждина «Об этнографическом изучении народности русской» (1846). В те же годы излагал принципиальные задачи этнографической науки в своих статьях К. Д. Кавелин, один из руководящих деятелей РГО. Концепции этих ученых, особенно двух последних, поражают своим глубоким по тому времени историческим (конечно, в рамках буржуазного мировоззрения) пониманием принципов и методов этнографической науки — пониманием, которое лишь гораздо позже, и то не в такой мере, было достигнуто зарубежной наукой [5].

Впрочем, преобладающим идейным течением в русской этнографии вскоре (1850—1860) стала так называемая «Мифологическая школа», имевшая свои корни в западноевропейских учениях. Она не принесла пользы отечественной науке.

Чрезвычайно важным было, наконец, выступление корифеев русской революционно-демократической мысли по вопросам, связанным с этнографией. Высказывания Белинского по вопросам изучения русского народного творчества, а позже выступление Добролюбова по тем же вопросам и особенно гениальные идеи Чернышевского о значении этнографии как науки и о месте ее в системе человеческого знания, критика им деятельности РГО за его буржуазную ограниченность — все это были факты огромного принципиального значения для этнографической науки в России [6]. Революционеры-демократы смотрели на этнографию и фольклор, как на средство познать народ, его быт и его нужды, а в познании видели условия для переделки народного быта, устранения всех его темных сторон. В этих взглядах находили непосредственное выражение интересы самих угнетенных народных масс. По словам Ленина, «настроение Белинского... зависело от настроения крепостных крестьян».

Условной датой завершения шестого периода можно считать Всероссийскую этнографическую выставку 1867 г. Эта выставка, созданная силами русской научной общественности, представляла собой как бы подведение итогов развития отечественной этнографии. Одновременно, будучи связана со Славянским съездом, она дала толчок дальнейшему развитию этнографической науки, характеризующему ее седьмой период.

9

Седьмой период охватывает время с конца 60-х и до 90-х гг. XIX в. В истории России это были годы реакции после реформ 60-х гг., годы кризиса революционного народничества и появления марксизма. Во внешних отношениях отмечается обострение международных противоречий, борьба за прилегающие к России страны Востока.

Чем же ознаменовался этот период в истории этнографии?— Целым рядом новых явлений.

Во-первых, внутри страны постепенно меняется самый тип этнографических исследований. На смену прежним экспедициям, специальным научным путешествиям в неисследованные области постепенно приходят стационарные изучения, материалы, собираемые местными наблюдателями. Этот переход от экспедиционного к стационарному приему собирания материала был отнюдь не случаен. В пореформенной России

---

[5] Подробнее об этом см. С. А. Токарев, Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку, «Советская этнография», 1948, № 2.

[6] К сожалению, еще очень недостаточно изучена роль А. И. Герцена в развитии революционно-демократического течения в русской этнографии.

появилось много новых общественных сил, главным образом демократических, разночинных, не только в столицах, но и в провинции. Появилось и много новых печатных изданий, журналов, газет. Новые потребности общественной жизни (земство, промышленность) вызывали множество корреспонденций с мест, статей по текущим местным и общим вопросам. В числе этих статей и корреспонденций было немало и таких, которые представляют большой этнографический интерес: о положении местного населения, его экономике, быте, обычаях и пр. Одновременно развивалась деятельность местных научных обществ, по большей части при провинциальных университетах — Казанском, Новороссийском и др., местных отделов РГО. В изданиях этих обществ тоже печатались ценные этнографические материалы.

Особое место среди этнографических исследований стационарного типа занимают в данный период работы исследователей — политических ссыльных. Как раз с конца 70-х гг. число революционеров, ссылавшихся царским правительством, в Сибирь, особенно в ее отдаленные районы, сильно увеличилось. Многие из них, живя в тяжелых условиях ссылки, находили возможности заниматься научными наблюдениями, в том числе этнографическими [7]. Хотя администрация чинила в этом всевозможные препятствия, все же из рядов политических ссыльных вышло немало этнографов, собравших прекрасный научный материал. Особенно богат такой материал по Якутии (Худяков, Серошевский, Ионов, Виташевский, Майнов и др.), по крайнему Северо-Востоку (Богораз, Иохельсон), по Амурско-Сахалинскому краю (Штернберг), по Минусинскому краю (Клеменц, Феликс Кон, Яковлев и др.) . Этнографические труды политических ссыльных не только количественно составляют в данный период значительную массу, но и по качеству в среднем стоят много выше других, будучи проникнуты демократическим духом; впоследствии в числе политических ссыльных выделяется и группа марксистов.

К этому же формально типу, но к прямо противоположному по целям и духу этнографических стационарных исследований, относятся те, которые отражали интересы и побуждения господствующих классов, правительства и администрации. Они особенно отразились в только что перед тем присоединенных областях Северного Кавказа и Средней Азии. Области эти были населены народами своеобразной культуры, со своими социальными и политическими традициями; среди них надо было вводить новое административное и судебное устройство. Возникла потребность в более серьезном изучении их быта, хозяйственных условий, обычного права, культуры. И вот как раз в описываемый период (и несколько раньше) появляются многочисленные этнографические описания народов (например, Средней Азии), составленные русскими военными чиновниками, администраторами, подолгу соприкасавшимися с местным населением. Таковы работы полк. Бларамберга, Галкина, подполк. Венюкова, ген.-лейт. Макшеева, полк. Каульбарса, Куропаткина, сыр-дарьинского губернатора Гродекова и др. В более поздние годы (1890—1900) к ним присоединяются исследования и воспоминания русских старожилов, местных служащих, журналистов: книги Арандаренко, Ломакина, Лыкошина, Наливкина, Остроумова и др., посвященные быту народов Средней Азии. Примерно то же явление было и на Кавказе. И там появлялись этнографические работы, принадлежавшие русским офицерам, чиновникам и другим лицам, подолгу жившим или воевавшим на Кавказе. Сюда относятся книги и статьи Люлье, Сталя, того же Венюкова, Пржецлавского, Дубровина и др.

Наконец, надо отметить ряд статистико-экономических обследований

[7] Предшественником этой группы исследователей можно считать А. П. Щапова, высланного в 1864 г. в Сибирь и занимавшегося там серьезным изучением быта русских крестьян и бурят.

крестьянского населения, предпринимавшихся в те годы государственными органами, например, Министерством государственных имуществ, в особенности в Сибири.

Если внутри страны все более повышался удельный вес стационарных этнографических исследований, то крупные экспедиции в описываемый период направляются зато в зарубежные страны, особенно в страны Центральной Азии, где лежал один из очагов соперничества России с Англией. Большие путешествия Пржевальского, Потанина, Позднеева, а позже Певцова, Роборовского приносили огромный и разнообразный научный материал по мало исследованным областям Центральной Азии, в том числе и материал этнографический. На эти же годы падают и путешествия русских ученых в разные другие страны, в том числе и такие путешествия, которые давали обильный этнографический материал: путешествия по Восточной Азии (Венюков и др.), Индии (Минаев), Южной Америке (Ионин), Африке (Юнкер). В 80—90-х гг. имела место целая серия экспедиций в Абиссинию (Машков, Леонтьев, Елисеев, Булатович и др.).

Совершенно исключительна ценность научных материалов, хотя и небольших по объему, собранных трудами одного из самых выдающихся путешественников и ученых Н. Н. Миклухо-Маклая, который как раз в те годы (1871—1887) исследовал наиболее отдаленные и недоступные области Океании и Юго-Восточной Азии. Строго научные наблюдения Миклухо-Маклай умел сочетать с горячей борьбой за права угнетенных колонизаторами народов Тихого и Индийского океанов.

В зарубежных странах Европы, в частности в славянских странах, тоже широко развернулись исследования русских ученых, и они опять-таки были связаны с политическими интересами. В русской славистике того времени боролись два течения — великодержавный «панславизм» и более демократическое течение, связанное с прогрессивными общественными кругами. Для этнографии имеют особо большое значение непосредственные исследования русских людей, поселявшихся на долгие годы среди зарубежных славян, изучавших их быт, хозяйство, фольклор. Таковы исследования Ровинского среди черногорцев, Березина у хорват, Ястребова и Ростковского у македонцев, Мошнина у болгар и др.

Описываемый период ознаменован существенными переменами и в области теоретических установок в этнографии. Засилье реакционной «мифологической» школы уже в 70-х гг. кончилось, но зато в годы реакции слабее стало сказываться и влияние идей революционеров-просветителей Чернышевского, Добролюбова и др. Господствующим направлением становится эволюционистское — плоть от плоти буржуазного позитивизма, самого прогрессивного из направлений буржуазной науки. Это направление как раз в те годы — с 70-х гг.— побеждает и в зарубежной науке (Тейлор, Лёббок, Спенсер, Макленнан в Англии, Липперт, Герланд в Германии, Морган в Америке). В России сторонниками его были Михаил Кулишер, Серафим Шашков, И. Н. Смирнов и др. В эту эпоху, когда в буржуазной этнографической науке Запада было сильно это прогрессивное течение, укрепились связи русской науки с зарубежной, что, однако, вовсе не означало «заимствования» новых идей из-за границы.

Нельзя причислять безоговорочно к эволюционистам крупнейшего деятеля русской этнографии того периода — Д. Н. Анучина, сама деятельность которого была характерным знамением эпохи. Он, примыкая к позитивистскому мировоззрению, стоял все же на голову выше всех эволюционистов. Он создал совершенно самостоятельную школу, сумев сочетать органически три науки — антропологию, археологию и этнографию. Эта своеобразная триада наук, сохранившаяся в традициях «анучинской школы» и впоследствии, была базирована на естественно-науч-

ном фундаменте, но сочеталась, по крайней мере у самого Анучина, с глубоко понимаемым историзмом.

Наконец, последним по счету, но одним из важнейших по значению явлением, характерным для седьмого периода, было проникновение марксизма в русскую этнографию. Оно шло по двум каналам: с одной стороны, через работы самих основоположников марксизма, интересовавшихся не только вообще русской тематикой, но, в частности, той, которая близко касается этнографической области. Известнейшим фактом этого рода был интерес Маркса к вопросам изучения русской общины (явление, входящее в круг этнографического изучения). Ей посвящено, например, известное письмо Маркса к Вере Засулич (1881), где, особенно в черновиках этого письма, содержатся важнейшие установки для понимания исторической природы общины. Есть и другие высказывания Маркса и Энгельса по вопросам русского народного быта.

Другим каналом проникновения марксизма были работы русских марксистов и ученых, стоявших под влиянием этого мировоззрения. Из них наиболее известен Н. И. Зибер, автор замечательной и далеко не устаревшей и теперь книги «Очерки первобытной экономической культуры» (1883). Под несомненным влиянием Маркса и Энгельса находился и один из виднейших социологов и этнографов того времени М. М. Ковалевский. Однако он не был марксистом и, несмотря на дружественные личные отношения с самими Марксом и Энгельсом, которые высоко ценили его работы, оставался буржуазным позитивистом. Наконец, к концу данного периода относятся первые [illegible] работ Плеханова, в которых использован этнографический материал («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», 1894).

10

Последний, восьмой, период развития дореволюционной русской этнографии охватывает годы с 1890-х до 1917. В гражданской истории — это период империализма и революционного рабочего движения. Чем же характеризуется этот период в истории русской этнографии?

На первый взгляд трудно усмотреть связь между основными чертами эпохи в экономическом и политическом отношениях и типичными явлениями в истории нашей науки в те же годы. Но, присмотревшись, эту связь можно уловить.

Подъем рабочего движения 1890-х гг. сопровождался усилением марксизма и обострением его борьбы с народничеством. Последнему был нанесен сокрушительный удар. Полемика марксистов с народниками, которую вел сначала Плеханов, потом В. И. Ленин, разгромивший народническую идеологию в своих классических марксистских трудах, еще позже И. В. Сталин, а под их руководством и другие марксисты, вращалась в основном вокруг вопросов о судьбе русского крестьянства в связи с развитием капитализма, о судьбе и роли общины и ликвидации остатков крепостничества в деревне. Эта полемика, ведшаяся и в легальных изданиях, и в нелегальных брошюрах, и в кружках, выходила за пределы узко партийных кругов; она интересовала широкие круги русского образованного общества, особенно передовые его слои, хотя бы и беспартийные. Таким образом, проблема «народа» все более становилась в центре внимания. Этому содействовала, как и раньше, художественная литература, где тема «народа» в произведениях Л. Толстого, Чехова, Бунина, Горького и др. тоже занимала все более важное место.

Вот почему можно считать неслучайным тот характерный для восьмого периода факт, что в области этнографических исследований все более доминирующим становится метод систематического, углубленного

изучения народа, его быта и культуры — стационарный, или краеведческий, метод. Фольклорно-этнографические и краеведческие записи Зеленина по Вятскому краю, Романова по Белоруссии, Евсевьева, Кузнецова, Никольского по Поволжью и многих других явным образом отражают этот повышенный интерес к народному быту.

Интерес к этому быту отразился и в таких характерных явлениях, как организация частного «Этнографического бюро» князя Тенишева (1897), который при помощи удачно налаженной системы анкет сумел собрать с разных концов страны объемистый материал по обычаям, верованиям, народным знаниям и пр.,— позже хорошо обработанный и опубликованный; и в оживлении деятельности этнографических музеев, например, созданного в Петербурге Этнографического отдела Русского музея (1901—1902), куда были собраны при помощи специальных экспедиций многочисленные коллекции из разных частей России; и в изданиях специальных этнографических журналов («Этнографическое обозрение» с 1889 г., «Живая старина» с 1890 г.), серийных этнографических сборников («Сборники музея по антропологии и этнографии» с 1900 г., «Материалы по этнографии России» с 1910 г.).

Другая характерная черта периода — идейная борьба, борьба между прогрессивным и реакционным течениями в этнографической науке. В зарубежной науке эпоха империализма с ее характерным загниванием буржуазной культуры сказалась появлением ряда чисто реакционных концепций (диффузионизм, вестермаркианство, биологизм и пр). Отражение этих концепций отмечается и в русской этнографии, но, к чести ее, гораздо более слабое. В нашей науке сказывалось порой увлечение «теорией заимствований», вестермарковской критикой учения о развитии семьи и другими модными буржуазными теориями. Но господствующим направлением продолжал оставаться эволюционизм, и лучшие деятели русской этнографии — такие, как Анучин, семья Харузиных, Штернберг и другие, хранили передовые традиции русской этнографической науки, не поддаваясь влиянию новых модных школ.

Марксизм, по вполне понятным причинам, не мог стать господствующим направлением и не мог непосредственно повлиять на официальную академическую либо университетскую науку того времени. Но было бы ошибкой отрицать существенную роль марксизма в этнографической науке даже и в те годы. Выше уже говорилось, что сама борьба между марксизмом и народничеством не могла не повлиять на развитие русской этнографической науки. Но этого мало. Трактовка марксистскими авторами вопросов, входящих в круг этнографических изучений или близких к ним, должна была и более прямо отразиться на общем состоянии этнографии.

Следует отметить, например, что Плеханов и в своих поздних работах (например, «Основные вопросы марксизма», 1908) широко пользовался этнографическим материалом, который он неплохо знал, для обоснования принципиальных марксистских положений. Но особенно важно то, что описываемый период совпадает с ленинско-сталинским этапом в развитии самого марксизма. В целом ряде работ Ленина прямо затрагиваются вопросы, близкие и важные для этнографов: «Развитие капитализма в России», связанный с этим вопрос о судьбе крестьянства, сельской общины, отдельная работа об «Аграрном вопросе к концу XIX в.»,— эти ленинские труды, притом легально издававшиеся, уже тогда должны были сыграть важную роль для этнографической науки. То же надо сказать и о работах Ленина и Сталина по национальному вопросу — дореволюционных годов. Хотя все огромное значение этих замечательных работ было раскрыто только позже, в советский период, но и в те годы они были известны не только в узких партийных сферах, а гораздо шире, и не могли остаться без влияния на этнографическую науку.

* * *

Окидывая еще раз общим взглядом ход развития этнографической науки до Октябрьской революции, мы видим следующие основные явления.

1. Постепенное накопление этнографических знаний о народах нашей страны и других стран.

2. Движущими силами этого были в значительной мере политические или экономические мотивы, связанные с общим ходом исторического развития нашей страны.

3. Периоды истории этнографической науки в основном определялись периодизацией общеисторического процесса в России, хотя не целиком с ней совпадали, обнаруживая и свою внутреннюю закономерность.

4. Развитие этнографической науки в дореволюционной России не только не было «отголоском» или «повторением» того, что делалось на Западе, но, напротив, в большинстве случаев обгоняло зарубежную этнографическую науку; хотя связь с последней бесспорно существовала и временами была очень крепка, но движущие силы развития русской этнографии лежали в самой русской действительности.

Факт приоритета русской этнографической науки в целом ряде вопросов и на протяжении не одного периода бесспорен. Этот факт нуждается, конечно, в объяснении. Ввиду неизученности данного вопроса можно пока лишь предположительно сказать, что одной из главных причин более быстрого развития этнографической науки в России сравнительно с западными странами был многонациональный состав нашего обширного государства, уже давно потребовавший более серьезного и конкретного изучения этнических различий и особенностей отдельных народов России. В более позднее время к этому прибавилось то, что развитие самой русской жизни ставило перед обществом и государством ряд задач, решение которых требовало глубокого изучения н а р о д а, его быта, его культуры, его психики. Именно эти задачи, вытекавшие из самой русской действительности, двигали русскую этнографическую науку вперед.

11

После Октябрьской революции 1917 г. в нашей стране сложились совершенно новые условия развития этнографической науки. Победа советской власти, подавление сопротивления эксплуататоров, заложение основ, а в дальнейшем победоносное строительство социализма, Великая отечественная война — все это означало наступление нового, качественно отличного от всех прежних периода развития этнографии. Этот период ознаменован: а) огромным количественным ростом этнографических исследований; б) неизмеримым повышением теоретического уровня этнографии и в) тесной связью этнографических исследований с общенаучными проблемами и с актуальными задачами строительства новой жизни. Советский период развития этнографии распадается на четыре этапа: 1) 1917—1928 гг.; 2) 1929—1934 гг.; 3) 1934—1941 гг.; 4) 1941 г.— доныне.

12

Первый этап ознаменован большим количественным ростом этнографических исследований как экспедиционных, так и стационарных, особенно в национальных республиках и областях. В этом сказалось прямое действие ленинско-сталинской национальной политики, задачи которой требовали конкретного изучения особенностей быта и культуры каждого в отдельности народа СССР. Подготовка национальных кадров, советско-

партийных работников (в Коммунистическом университете им. Свердлова, КУТВ, Институте народов Востока и др., создание сети научных и культурных учреждений в национальных республиках и областях — все это теснейшим образом переплеталось с глубоким изучением быта и культуры народов. Особенно важное значение для этнографии имели партийные, хозяйственные и культурные мероприятия среди отсталых народов Крайнего Севера. Этнографические исследования тесно связаны были, в частности, с задачами создания национальной письменности, литературы. Но в теоретической области сказывались еще буржуазные взгляды, открытые или завуалированные. В национальных республиках и областях давал себя знать буржуазный национализм («национал-демократы» всех видов), хотя и маскировавшийся под советские формы.

13

Второй этап (условно — с этнографического совещания начала 1929 г.) отмечен резкой критикой буржуазного наследства в этнографии (и смежных науках). Критика эта была отражением нового этапа в политической жизни страны: начало мощного колхозного движения, которое сопровождалось обострением классовой борьбы, а отсюда, в частности, резким размежеванием принципов в области идеологии, науки. Однако под флагом критики буржуазной идеологии подняло голову вульгарно-социологическое направление, связанное со «школой» Покровского. Чрезвычайно усилился марризм, который отразился отрицательным образом и в этнографии. В то же время важнейшим положительным явлением было укрепление марксистских кадров в этнографии. Оно неуклонно шло даже в годы наиболее сильного влияния антинаучных упрощенно-социологических схем.

14

Третий этап связан с окончательной победой социализма в нашей стране. Он ознаменован в культурной жизни важнейшими решениями партии по вопросам истории: восстановление исторических факультетов, критика «школы» Покровского, замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова на конспекты учебников истории. Эти решения были существенным этапом в развитии всех общественных наук. Они содействовали оздоровлению научной атмосферы и в области этнографии. Положено начало систематической подготовке научных этнографических кадров (кафедры этнографии в МГУ и ЛГУ). Появились первые этнографические монографии, написанные с марксистской точки зрения.

15

Четвертый этап открывается с началом Великой отечественной войны, но годы ее нельзя отделить от послевоенных лет. Предательское нападение гитлеровской Германии на СССР оборвало нормальный ход культурной жизни нашей страны. Прервалась на время и работа в области этнографии. Много этнографов погибло на фронте или в блокированном Ленинграде. Этнографы вместе со всеми гражданами защищали страну. Но скоро и этнографическая научная работа была поставлена на службу обороны. Выдвинулись проблемы, связанные с войной и послевоенным устройством европейских и других стран: критика расизма-фашизма, изучение быта и культуры славянских народов, боровшихся против фашистской агрессии, и др. В послевоенные годы, помимо этих, наметились и другие проблемы, тесно связанные с общекультурной и политической жизнью страны, с задачами постепенного перехода к коммунизму: проблема изучения национальной консолидации

(расширение прежде изучавшейся проблемы этногенеза), этнографическое изучение быта колхозов, рабочего быта. Особой задачей является изучение народов дружественных нам стран народной демократии и идейная помощь им в области нашей науки. В связи с обострением идеологической борьбы между лагерем империализма и международной реакции и лагерем демократии и социализма, перед этнографами ставятся широкие задачи изучения форм национального движения и национально-освободительной борьбы во всех странах мира, задачи критики и разоблачения псевдонаучных империалистических концепций в зарубежной, особенно англо-саксонской этнографии. В последнее время в связи с лингвистической дискуссией и особенно с замечательными выступлениями И. В. Сталина по вопросам языкознания выдвинута важная задача разработки ряда вопросов периодизации первобытной истории, связи этногонических процессов с развитием языка.